

ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ДАНИЛОВ

Если бы пришлось комментировать список научных трудов Владимира Валерьяновича Данилова и указать, когда или где, в связи с какими обстоятельствами была написана та или иная работа, мы бы восстановили его биографию. Он откликался исследованиями на всю окружающую его действительность. Его труды были его автобиографией, наука — его жизнью. Поэтому так удивительно разнообразен список его трудов.¹ Он писал о тех писателях, которых больше всего любил, а любил то, с чем теснее всего соприкасался в своем преподавании, в местах своей жизни — то в Нежине, то в Одессе, то в Киеве, то в Петербурге—Ленинграде. Из русских писателей он больше всего писал о Гоголе — может быть, потому, что ощущал его своим земляком по Нежину или даже одноклассником по Нежинской гимназии. Не потому ли он так интересовался и игуменом Даниилом и Владимиром Мономахом, что оба они были его «соседями» по Чернигову? Он занимался фольклором тех мест, где бывал, писал о своих учителях, описывал архивы и музеи, которые посещал или в которых работал. Есть у него и исследования по истории журналов, в которых он печатался, научных и педагогических учреждений, где он служил. Целая полоса научных тем связана с его преподаванием русской литературы в Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе: тут и отклики на «филологические»

¹ См. обзор научного пути В. В. Данилова: *Гуревич М. М., Могилянский А. П.* Владимир Валерианович Данилов (к 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности). — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1962, т. 18, с. 481—483; *Панченко Н. Т.* Список научных трудов В. В. Данилова (1904—1959). Л., 1960. 32 с.; Список печатных научных трудов В. В. Данилова (1904—1962) / Сост. Н. Т. Панченко. Л., 1963. 32 с.

Владимир Валерьянович Данилов

затруднения в морском языке, и специфические морские литературные темы, и даже статьи о преподавателях-моряхах, как например статья об академике А. Н. Крылове. Есть статьи, связанные с нуждами преподавания. Множество статей В. В. Данилова связано с «филологическим краеведением», с историей науки и литературы тех мест, где он бывал или оседло жил. Недаром ему принадлежит хороший неологизм — «родиповедение».²

Он был действительно «родиновед». Он изучал родину: ту страну, ту область, те учреждения и тех людей, среди которых он жил. Современность соединялась для него с прошлым этой современности, ибо все, что существует

² См.: Данилов В. В. Активный метод преподавания родиноведения в школе. — Тихвинский учитель, 1921, 1 мая, № 1, с. 4—5.

сейчас, имеет корни в прошлом. Он как филолог и историк исследовал все то, с чем был связан самой своей жизнью.

Но патриотизм его не был ни сентиментальным, ни фразеологическим. Он не писал с пафосом и не заявлял о своей любви к окружающему или к предмету своего изучения. Его привязанность к изучаемому предмету выражалась только в углубленном исследовании, но не в эмоциональном изложении, не в выражении своих чувств, всегда целомудренно скрывааемых.

Чем больше он любил тему своего исследования, тем строже и проникновеннее он стремился сделать свой филологический анализ ее.

От старой филологической науки он усвоил точность и скрупулезность анализа. Он обладал острым и внимательным глазом филолога. Сам он называл себя «латынником» — человеком, учившимся на латинских текстах и привыкшим вслед за своими учителями классиками обращать внимание на реалии и на все детали текста.

Отвечая В. В. Данилову на присланный ему оттиск статьи «О жанровых особенностях древнерусских „хождений“» из XVIII тома ТОДРЛ, П. Н. Берков писал: «Такая статья, как Ваша, стоит больше, чем многие пухлые „философии литературоведения“, авторы которых полагают, что „двигают науку“».

«И в то же время как интересен, как плодотворен Ваш метод анализа! Вы умеете „читать“ литературный текст и учите своих читателей этому трудному методу анализа, идущему из классической филологии — учите обращать внимание на реалии, на высказывания, на приемы и т. д. Это поразило меня в начале 20-х годов, когда я впервые познакомился с Вашим „Комментарием к «Рудину»“³ и со статьей о Фонвизине.⁴ На фоне тогдашнего увлечения „методологией“ Ваши работы были для меня образцом серьезного и плодотворного „раскрытия“ текста. И эта же мацера, во много раз утонченная, отшлифованная, углубленная, пронизывает все Ваши последующие статьи, включая и нынешнюю о „хожде-

³ П. Н. Берков имеет в виду брошюру В. В. Данилова «Комментарии к роману Тургенева „Рудин“» (Пособие для изучения романа. М., 1918. 78 с.).

⁴ Данилов В. В. «Недоросль» в свете классового самосознания дворянства второй половины XVIII века. — Родной язык в школе, 1924, № 6, с. 22—32.

ниях“.⁵ Это и есть настоящая филология — зоркая, не боящаяся колоссальной затраты времени и сил на овладение материалом, и на классификацию его, и на обобщения. Ну, а без мастерства, высокого и мудрого, никакая зоркость, никакой труд не даст результата. Спасибо, большое спасибо Вам, мой дорогой и давний учитель!» (письмо датировано 9 июня 1962 г.).

Последние годы жизни В. В. Данилов был связан научными интересами с Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома. До 1961 г. включительно его сообщениями открывался осенью «сезон» научных докладов в Секторе.

Сам В. В. Данилов придавал своей связи с Сектором особый биографический смысл. Последний свой доклад в Секторе он читал в сентябре 1961 г. Он готовился к нему именно как к последнему докладу и решил его посвятить «Слову о полку Игореве». Вот что он писал по этому поводу в своем письме ко мне, помеченном 2 мая 1966 г.: «Меня радует то, что если мои работы в Секторе и не оставят заметного следа в изучении древнерусской литературы, то они оставили лестный для меня след в отношениях ко мне „секторян“... Ежегодно я получаю милые, теплые поздравления от них в праздники, что вызывает во мне воспоминания далекой молодости, когда я мечтал быть поэтом и мог бы отвечать друзьям-секторянам стихами.

Если припомните, последний доклад, который я сделал в Секторе, был посвящен „Слову о полку Игореве“ и его защите как древнерусского памятника.

Я не говорил об этом, но сделал это намеренно.

Еще будучи учеником Нежинской гимназии, я составил сводку комментариев к „Слову“ на основании нескольких книг по его изучению, бывших в гимназической библиотеке, и переложил в стихах несколько мест из него. Плодом этого была почтенной толщины тетрадь в переплете, которую года два назад я передал в Библиотеку Академии наук.

Первая работа, которую я писал на 1-м курсе по предложенным проф. М. Н. Сперанским темам, была „Слово о полку Игореве“ и отражение его в «Задон-

⁵ Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1962, т. 18, с. 21—37.

«Шине»». Работа вышла большая, но с такой постановкой вопроса я теперь совершенно несогласен. Эта работа находится в историческом музее Педагогического института им. Гоголя в Нежине, заменившего наш Историко-филологический институт.

Так что со „Словом“ связана моя юность и молодость. Я тогда знал его все наизусть и, будучи „на кондициях“, как тогда говорили, у помещика, уходил в лес и перед деревьями декламировал отрывки из памятника.

Поэтому на старости, пять лет назад, уходя с арены литературной работы, я решил закончить ее выступлением о „Слове о полку Игореве“. В этом был весь смысл для моего выступления.

Но сейчас я стар, болен, во мне нет, как теперь говорят, „боевитости“, и сражаться я не могу».

За неделю до своей смерти (письмо имеет почтовый штампель с датой 15 апреля 1970 г.) В. В. Данилов снова писал мне на ту же тему:

«Дорогой друг, Дмитрий Сергеевич!

Мне особенно было приятно получить оттиски от Вас, как от руководителя Древнерусского сектора.

Я начал „научнообразным“, как выражался М. Н. Сперанский, трудом о „Слове“ и намеренно последний доклад сделал о „Слове“. Хотя я занимался и Гоголем, и Тургеневым, и Достоевским, и прочими писателями, но всегда сам почитал себя историком древней русской литературы. И Вы припомните, что последние годы перед болезнью занимался только древнерусской литературой.

Теперь я очень болен. Зрение для чтения окончательно потеряно. Пишу, но написанного не вижу. Мучает одышка. Целые дни нахожусь в полусонном состоянии, а ночью — бессонница. Слабею с каждым днем».

В. В. Данилов был верным человеком. Он был постоянен в своих научных привязанностях. Он любил то, чем занимался, но он больше всего любил истину. В своих работах он никогда не преувеличивал оценок, не приукрашивал, не скрывал и не искажал истины. Он не был ни суетен, ни суетлив в науке. Он был очень «биографичен» в своих научных интересах, но никогда не был конъюнктурен, не следовал по стопам моды и как ученый оставался самим собой.

Исследуя, он обращал главное внимание на происхождение изучаемого явления, устанавливал источники, заимствования, интересовался международными связями.

Для него любой памятник только выигрывал от того, что оказывался в окружении других памятников, имел определенные истоки и находился в связи с произведениями за рубежами Руси. В 1947 г. он опубликовал в ТОДРЛ исследование «„Октавий“ Минуция Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха», в 1955 г. — «Письма Исидора Пелусиота в „Изборнике“ Святослава 1073 г.». В промежутке он занимался связями «Хождения» игумена Даниила с византийской литературой.

Сознательно поставив всю свою жизнь как бы в раму из «Слова о полку Игореве», В. В. Данилов тем не менее одну из самых своих прочувствованных статей посвятил чешскому слависту Яну Фрчеку⁶ — создателю той скептической концепции в отношении «Слова», которой вслед за Фрчеком стали затем пользоваться представители неоскептицизма в «слововедении» — А. Мазон и его последователи.

В. В. Данилов был глубокий патриот, он никогда не изменял правде, был справедлив и точен, как точен и справедлив может быть только настоящий ученый. Вот почему его долгий научный путь ни разу не привел к неудачам и был по-своему красив и торжествен.

*(Труды Отдела древнерусской литературы,
М.; Л., 1970, т. 25, с. 351—354)*